

Лист. Гермиона улыбнулась, а Гарри, словно заглядывая в тайны мироздания, всматривался в дубовый лист, зажатый в руке. Последние недели они провели в стенах школы, отдаваясь учебе и медитации. Превращение в анимага оказалось куда сложнее, чем они могли себе представить. — У тебя получится, Гарри, — уверенно заявила Гермиона. — Ты всегда был интуитивным, а накопление жетонов — это путь к постижению и слиянию с внутренним зверем. — А ты, Гермиона, — ответил Гарри, — никогда не терпишь неудач. Окклюменция, легилименция, ритуалы вызова и изгнания... Ты машина, Гермиона Поттер, в девичестве Грейнджер. Они были правы, но и неправы. Путь оказался тернистым. Тяжесть вины, стыд и угрызения совести за свою роль в грядущей войне не давали покоя, мешая успокоить разум и ощутить связь с природой. Они были далеко не невинны, и их внутреннее смятение отражалось в неудачах во время медитации. — Нужно исповедаться, — предложила Гермиона. — Ты хочешь, чтобы я пошел в церковь? — недоверчиво спросил Гарри. — Нет, идиот! — закатила глаза Гермиона. — Я хотела узнать, что ты думаешь о том, чтобы выложить все другому человеку. Он смутился. — Но ты уже все знаешь. — Я собиралась поговорить с Ремусом. — О. — Гарри нахмурился. Хмыкнув, Гермиона пристально наблюдала за ним, выискивая в уголках глаз и губ расслабление, свидетельствующее о том, что он уступит ее воле. Но этого не произошло. — Я подумаю, — сказал он, оттягивая время. На следующий день Гермиона отправилась к Ремусу. Не желая молчать, она поведала о своих тревогах, описывая ситуацию так, как она ее видела. Зная, что после передачи контроля над состоянием Поттеров законному наследнику у Ремуса будет свободный день, она проскользнула в его каюту, тихо закрыв за собой дверь. — Ремус? — позвала она, направляясь к гостинной. — Здесь, — ответил он. Ускорив шаг, она обнаружила его за столом, уставленным двумя стопками пергамента. Аккуратная стопка несданных эссе была невелика, в то время как гора сданных работ грозила похоронить его под собой. — Я могу прийти позже, если сейчас неудобно, — с легкой улыбкой предложила Гермиона. — Нет! — с притворным отчаянием ответил Ремус. — Спаси меня от этих придурков-четверокурсников, которые уверены, что знают секреты, позволяющие навсегда запереть зло. Она рассмеялась, облегченно усаживаясь на знакомый диван. Ремус поставил чайник, наколдовав обычный чайный сервиз. — Ты не греешь воду магией? — спросила Гермиона. — Вкус не тот. К тому же, если я не могу ждать пять минут, пока закипит чайник, у меня проблемы поважнее. Она кивнула, сомневаясь, боясь начать. — Чем я могу тебе помочь, Гермиона? — спросил Ремус. Их прервал пронзительный свист чайника. Ремус молча залил горячей водой чайные листья и оставил их настаиваться. — Простите. Чем я могу тебе помочь? — повторил он. — Я доверяю тебе, Ремус, — мягко ответила она. На лице Ремуса отразилось легкое удивление. Полуулыбка стала ответом, в котором он нуждался. — Мне нужно поговорить о... прошлом. Кошмары не дают покоя, и это не только из-за Гарри, но и... — она отвела взгляд, на глазах навернулись слезы. Ремус осторожно протянул руку, чтобы взять ее за руку. Он молча поддерживал ее своим присутствием, не дрогнув. Ремус Люпин был очень умным человеком. Он должен был быть таким, чтобы стать одним из Мародеров. Если Джеймс был лидером, Сириус — остроумцем, а Питер — комиком, то Ремус был их сердцем. Но это не означало, что он был глуп. Он знал, или мог представить себе, некоторые из тех злодеяний, свидетелями которых были, а может, и участниками которых стали Гермиона и Гарри. Он также понимал, что эта молодая пара, к которой он успел привязаться, не была чудовищами. Поэтому воспоминания о грядущей войне должны были быть, мягко говоря, тягостными. Когда Гермиона снова повернулась к нему, по ее щекам текли слезы, она прошептала: — Я убила, по меньшей мере, двести человек, Ремус. Некоторых из них... ужасно. Одного я подожгла и смотрела, как он сгорает. Прошло семнадцать минут, прежде чем он умер, Ремус, и я не сделала ничего, чтобы уменьшить его боль, чтобы остановить огонь. Теперь слезы текли уже в полную силу. Он не пытался ее утешить, понимая, что сейчас она не готова к утешениям. Взяв ее руку в знак поддержки, он кивнул. — Продолжай. И она продолжила. Два часа она делилась ужасными воспоминаниями, наполняя тихую каюту своими страхами. Ремус не говорил ничего, кроме тихих слов поддержки. Он отпустил ее руку только для того, чтобы налить чай,

которым она смочила пересохшее горло. К тому времени, когда в Большом зале объявили обед, Гермиона разрыдалась. Наконец, она смогла найти утешение в объятиях Ремуса. Он был для нее старшим братом, любимым дядей, хорошим другом. — Ты совершила ужасные поступки, Гермиона. Но ты все равно хороший человек. Мы все очень любим тебя, ты ведь знаешь? Она кивнула. — Я не могу любить злого человека. Как и Минерва, как и Сириус. Особенно Гарри. Он никогда не смог бы полюбить злого человека. Ты хорошая женщина, Гермиона Поттер. Война пробуждает в каждом из нас зверя. Гермиона кивнула, благодарная за то, что решилась довериться Ремусу. Сказать, что она почувствовала себя лучше, значит преуменьшить. Гнетущее чувство вины и раскаяния, висевшее на ее шее жерновом, исчезло. Хотя жизнь не была персиком и сливками, она снова начала верить в себя. Не в свои способности, ведь она никогда в них не сомневалась. Она начала верить в Гермиону, дочь Стивена и Алисы, жену Гарри, любимую Минервой, Сириусом и Ремусом. Это было волнующе. В Гринготтсе дела Гарри и Сириуса продвигались с удивительной быстротой. Снаграт, похоже, предвидел приезд Сириуса, заранее подготовив все формы и документы. После того, как Гарри поставил свою подпись шестьдесят три раза, а Сириус — четырнадцать, они приступили к магической печати. В итоге, после четырех часов чтения, подписания, запечатывания и, наконец, подачи двух камней пергамента, Гарри занял пост председателя правления и главного исполнительного директора "Поттер Траст". Все дела и титулы, не принадлежащие Трасту, были переданы соответствующим образом. Солнечный свет, пробиваясь сквозь облака, окрасил лондонскую улицу в золотистые тона. Сириус, с его светлыми волосами и пронзительными карими глазами, похлопал Гарри по плечу, выходя из банка. Они шли уверенно, не обращая внимания на дежурных авроров. Уроки Бешеного Глаза, как всегда, давали свои плоды: "Вести себя так, будто ты здесь хозяин, — вот ключ к успеху. Никто не станет тебя подозревать, если ты будешь выглядеть непринужденно". Гарри погрузился в задумчивость, пробираясь сквозь оживленную толпу. После недельных дождей, наконец, выглянуло солнце, и люди, словно бабочки, выпорхнули из своих домов. — Что тебя гложет? — тихо спросил Сириус, замечая его хмурый вид. — Где мы с Гермионой будем жить, когда закончим школу? — Гарри нахмурился еще сильнее. — У меня много мест, где можно поселиться, но без нее... Я не могу. Сириус, поджав губы, аппарировал в туннель Ханидукса, увлекая Гарри за собой. Оказавшись на другом конце, он произнес:— Вы двое собираетесь рассказать ее родителям? Это решило бы проблему. Вы могли бы жить у нее, а ее семья переехала бы в Роуэн Хилл. Или, может, им лучше переехать к тебе, в Уэльсе им будет безопаснее.— Я не знаю, скажем ли мы Стивену и Алисе, — Гарри ответил, не поднимая глаз. — Мы еще не обсуждали это.— Сделай это, Гарри-медведь, — мягко сказал Сириус, проявляя несвойственную ему деликатность. — Она твоя жена и лучший друг. Если ты не можешь поговорить с ней, то с кем ты можешь говорить? Гарри вздрогнул, словно от удара. Слово "разговор" задело его за живое. Он сдержался, проворчал:— Не называй меня медвежонком. Ты так меня звал, когда я еще в подгузниках сидел.— Дайте мне ночь, свободную от закона, несколько бутылок огненного виски, и вы завтра же наложите в штаны, — проворчал Падфут, появившийся из ниоткуда. Гарри шел за Сириусом, поэтому Падфут не заметил, как Гарри отсалютовал ему двумя пальцами.